

Bakulev Alexey Valentinovich

Taganrog Institute of Technology – Federal State-Owned Autonomy Educational Establishment of Higher Vocational Education “Southern Federal University”.

E-mail: al1280@yandex.ru.

44, Nekrasovskiy, Taganrog, 347928, Russia.

Phone: +78634371496.

УДК 81'44

Л.В. Буренко

НАИБОЛЕЕ СПОРНЫЕ ВОПРОСЫ КЕТСКОГО СКЛОНЕНИЯ

Предпринимается попытка анализа одной из важнейших проблем системы склонения кетского языка – проблема статуса неопределенного и родительного падежей, которые рассматриваются автором статьи как два ключевых падежа кетской падежной системы. Кетский язык является единственным живым представителем некогда многочисленных енисейских языков. Он сильно отличается от окружающих его языков. Именно поэтому так важно изучить его типологически необычную грамматическую структуру.

Типология; енисейские языки; кетский язык; грамматическая структура; категория падежа; основной (неопределенный) падеж; родительный падеж; план содержания; план выражения.

L.V. Burenko

THE MOST DISPUTABLE ISSUES OF KET DECLINATION SYSTEM

The article tries to analyse a significant problem of Ket declination system – the problem of the existence and the status of Casus indefinitus and Genitive which are considered by the author to be two principal cases of Ket declination system. Ket language is the only living representative of Jenisseian languages and it differs greatly from other languages. This fact makes the study of its grammatical system highly important.

Typology; Jenisseian languages; Ket language; grammatical structure; category of case; Casus indefinites; Genitive; plane of content; plane of expression.

Кетский язык является единственным живым представителем некогда многочисленных енисейских языков. На нем говорят кеты, проживающие в поселках Туруханского района Красноярского края. Среди окружающих его алтайских, финно-угорских, самодийских и др. языков, этот язык выделяется своей изолированностью, не обнаруживая сколько-нибудь достоверных связей ни структурного, ни генеалогического характера с другими языками и привлекает внимание лингвистов своей типологически необычной грамматической структурой. В частности, ученые отмечают наличие агглютинации, совмещенной с внутренней флексией; деление существительных на классы; остатки активного строя при современном номинативно-аккузативном характере языка и некоторые другие.

Категория падежа принадлежит к числу наиболее спорных проблем грамматики. Фундаментальные разногласия в понимании этой категории обусловлены, прежде всего, тем подходом – семантическим или морфологическим, – который применяет исследователь при её описании. Хотя грамматическая категория представляет собой единство формы и содержания, анализ любой категории приходится начинать с одного из этих двух аспектов. Необходимость такого выбора связана, как известно, с взаимным несоответствием единиц плана выражения и плана содержания. В случае с кетским языком причиной разногласий становится ещё и неоднозначность языкового материала.

Проблема наличия категории падежа в кетском языке и ее объема – одна из наиболее дискутируемых проблем кетской грамматики.

Первое научное описание енисейских языков принадлежит М.А. Кастрену, выделявшему номинатив, генитив, датив, аблатив, локатив, прозекутив, комитатив или инструктив и каритив. В этой же работе автор указывает на наличие в кетском языке винительного падежа [12].

Н.К. Каргер предложил падежную парадигму, в которую включил абсолютный, родительный, дательный, местный, творительный, отложительный и продолжный падежи [7] и дополнил этот список звательным падежом [7]. Следует также отметить, что Н.К. Каргер был первым, кто заметил, что кетские падежи могут быть разделены на две группы: 1) падежи, основанные на абсолютиве, и 2) падежи, основанные на родительном падеже. Подобная группировка падежей не только нашла подтверждение в более поздних работах (обстоятельный анализ кетской падежной системы с выделением двух групп падежей был предложен в известной статье В.Н. Топорова и Т.В. Цивьян [10]), но и получила типологическое обоснование [11].

Важный этап в изучении енисейских падежей ознаменовали работы А.П. Дульзона, который выделял для кетского существительного 11 падежей, а именно: звательный (вокатив), например: *obo* «отец» *ama* «мать»; основной (абсолютный), представляющий собой падеж субъекта и прямого объекта, отвечающий на вопросы «кто, что, кого, что?», например: *op* «отец», *am* «мать»; притяжательный или родительный, отвечающий на вопрос «чей?», например: *kobde bis'ep* «брат твоего отца»; дательно-направительный, отвечающий на вопросы «кому, куда?», например: *obdaja* «отцу», *amdiya* «матери»; исходный, отвечающий на вопросы «от кого, откуда, с какого времени?», например: *obdajal'* «от отца», *amdiyal'* «от матери»; местно-временной, указывающий на расположение предмета в пространстве или во времени и отвечающий на вопросы «где, когда?», например: *ses'ke* «в реке»; местно-личный, отвечающий на вопросы «у кого, у чего?», например: *obdajnt* «у отца», *amdiñt* «у матери»; назначительный, отвечающий на вопросы «для кого, для чего?», например: *obdat* «для отца», *amdit* «для матери»; орудно-совместный, отвечающий на вопросы «кем, чем, с кем, с чем?», например: *obas'* «с отцом», *amas'* «с матерью»; продолжный, отвечающий на вопрос «вдоль чего?», например: *sesbes* «вдоль реки» и лишительный, отвечающий на вопросы «без кого, без чего?», например: *oban* «без отца», *aman* «без матери» [6].

Согласно ведущему кетологу современности Г.К. Вернеру, посвятившему изучению енисейских языков множество работ [5], падежная парадигма в кетском языке состоит из 12 падежей [13]. Являясь сторонником традиционного взгляда на категорию падежа, Г.К. Вернер пересматривает статус основного падежа, отмечая при этом, что название *Casus indefinitus* более точно передает содержание этого падежа и выделяя в его составе падеж субъекта (*Absolutiv₁*) и падеж объекта (*Absolutiv₂*) [13].

Предпринимались попытки сократить количество падежей в кетском языке. Так, известна работа Е.А. Крейнвича, в которой он ставит под сомнение наличие лишительного и родительного падежа в кетском и югском языках [8].

Среди исследователей, изучавших категорию падежа в кетском языке, следует отметить также М.Н. Валл. В своем диссертационном исследовании М.Н. Валл берет за основу падежную систему, составленную ранними исследователями и дополненную А.П. Дульзоном, и подробно рассматривает функции и значения кетских падежей, которые возможно было установить по имеющимся языковым материалам [2].

Однако при другом подходе к изучаемому материалу М.Н. Валл в соавторстве с И.А. Канакиным высказывают совершенно противоположную точку зрения, утверждая, что кетский язык – беспадежный [3]. Авторы, прежде всего, исходят из того, что «падеж – это категория, отражающая отношение имени к глаголу или к другому имени и находящая выражение **в пределах слова** (выделено нами – Б.Л.)». Элементы, традиционно называемые падежными показателями, они относят к служебным словам.

Тем не менее, в дальнейших своих исследованиях, М.Н. Валл и И.А. Канакин все же выделяют четыре падежа: притяжательный, дательно-направительный, местно-личный и исходный. Авторы полагают, что только эти падежи объединяет явное субстантивное сходство и общий принцип родовой дифференциации, они альтернативны (взаимо исключают друг друга), что позволяет признать их парадигматическую организацию. Все остальные падежи, по их мнению, не могут быть включены в падежную парадигму [4].

Все перечисленные взгляды отражают специфику енисейской системы склонения и актуальность её дальнейшего исследования.

Ключевыми для падежной системы енисейских языков и, в то же время наиболее спорными, являются вопросы статуса основного и родительного падежей в кетском языке. Эти проблемы связаны, прежде всего, с теми особенностями, которыми характеризуется падежная система кетского языка.

Во-первых, это ярко выраженный агглютинативный характер падежных формантов. Ввиду того, что доминирующим способом образования падежных форм является присоединение к неизменяемой основе однозначных аффиксов, тесного фонетического взаимодействия между основой падежной формы и падежной морфемой не существует: все падежные морфемы могут быть отдалены от именной основы и употребляться дистантно или присоединяться к финитным формам глагола, например: *oks' A:n dayte o:nan* «на дереве ветвей много» вместо *oks'dayte A:n o:nan*; *buŋ oŋo:nden diŋal' ko:okn biminan* «с тех пор как они уехали, прошло девять дней».

Второй важной особенностью является внешнее материальное совпадение показателей родительного падежа имени существительного и показателей 3-го лица лично-притяжательного склонения. Сравним, например, *obda* «отца», *amt*, *amdi* «матери» и *buda* «его», *budi* «её».

Третьей особенностью падежной системы считается отсутствие четких критериев для разграничения падежных форм и послеложных конструкций.

Основной падеж, как известно, не имеет специального морфологического оформления и представляет собой исходную форму имени, совпадающую с основой. В связи с этим некоторые исследователи считают, что в кетском языке нет падежа прямого объекта [1, 4]. Такой взгляд кажется нам ошибочным. Анализ кетских предложений показывает, что в функциональном отношении падежи субъекта и прямого объекта дифференцированы достаточно четко. Конечно, при строго формальном понимании термина «падеж» – в кетском языке нет падежа прямого объекта, а при семантическом понимании падежа в его наличии сомневаться не приходится. Подобное явление характерно для целого ряда других номинативных языков (алтайских, уральских и др.).

Дифференциация субъекта и прямого объекта в кетском языке не только осуществляется синтаксическим способом, например: *ke?t lit'si daxej* – человек лешего убил, *lit'si ke?t daxej* – леший человека убил, но и отражается в построении глагольных форм. Дело в том, что глагольная словоформа сама по себе уже является минимальной моделью предложения с четким указанием на субъект и

объект, например: *kA?t en naba: m diʒonesu:rgen* – дети теперь свою бабушку потеряли, где *di* – показатель женского класса *eë* – прямой объект, южн.кет.: *d-ba-toŋ* – он-меня-видит, *d-a:-toŋ* – он-его-видит, *d-i:-toŋ* – он-её-видит, *d-aŋ:-toŋ* – он-их-видит, и т.д. В тех случаях, когда глагольная словоформа сама по себе не дает четкого представления об участниках ситуации, последняя достигается слово порядком именных членов предложения в соответствии со схемой S – O – V. Например, в предложении *koj ke?t dugaroʒ* – медведь человека съест, глагольная словоформа *du-ga-roʒ* указывает лишь на то, что какой-то денотат мужского класса единственного числа произведет действие над денотатом мужского класса единственного числа и для того, чтобы не исказился смысл предложения, субъект *koj* «медведь» предшествует объекту *ke?t* «человек» [9].

Таким образом, вслед за Г.К. Вернером и Г.Т. Поленовой, мы склонны считать, что совпадая как *Casus indefinitus* ввиду своей немаркированности, падеж субъекта и падеж объекта противостоят друг другу на синтаксическом уровне.

Как исходная форма имени существительного, *Casus indefinitus* служит для образования других падежей путем прибавления специальных аффиксов (табл. 1).

Таблица 1

Падежные показатели кетских существительных и местоимений

Падеж	Единственное число		Множественное число	
	муж.	жен., вещн.	невещн.	вещн.
Основной	<i>∅</i>	<i>∅</i>	<i>∅</i>	<i>∅</i>
Родительный	<i>-da</i>	<i>-di</i>	<i>-na</i>	<i>-di</i>
Дательный	<i>-daŋa</i>	<i>-diŋa</i>	<i>-naŋa</i>	<i>-diŋa</i>
Исходный	<i>-daŋal'</i>	<i>-diŋal'</i>	<i>-naŋal'</i>	<i>-diŋal'</i>
Назначительный	<i>-data</i>	<i>-dita</i>	<i>-nata</i>	<i>-dita</i>
Местно-личный	<i>-daŋta</i>	<i>-diŋta</i>	<i>-naŋta</i>	<i>-diŋta</i>
Местный	<i>-ga/-ka</i>	<i>-ga/-ka</i>	<i>-ga/-ka</i>	<i>-ga/-ka</i>
Орудно-совместный	<i>-as'</i>	<i>-as'</i>	<i>-as'</i>	<i>-as'</i>
Продольный	<i>-bes'</i>	<i>-bes'</i>	<i>-bes'</i>	<i>-bes'</i>
Лишительный	<i>-an'</i>	<i>-an'</i>	<i>-an'</i>	<i>-an'</i>
Звательный	<i>-ɔ</i>	<i>-A, –</i>	<i>-A</i>	<i>–</i>

Более пристальный взгляд на падежную парадигму кетского имени существительного и личных местоимений позволяет разделить кетские падежи на две группы: падежи с *D* (родительный, дательный, назначительный, исходный и местно-личный) и падежи, не содержащие *D* (*Casus indefinitus*, в котором совпадают именительный и винительный падежи, местный, продольный, совместный, лишительный и звательный) [9].

Важной особенностью падежей первой группы является, во-первых, то, что они имеют в своем составе показатель родительного падежа *-da*, *-ta*, *-di*, *-t* и показатель *-na* (у одушевленных существительных во множественном числе), а во-вторых, содержат различие по роду, одушевленности и числу. Падежи второй группы этих особенностей не имеют. Такая явная отнесенность к той или иной группе позволила исследователям предположить, что возникновение категории падежа связано именно с появлением родительного падежа, образовавшегося от основного с помощью специальных формантов. Предполагается, что в дальнейшем на основе формы родительного падежа были образованы дательный, назначительный, исходный и местно-личный падежи, а на основе *Casus indefinitus* были образованы местный, продольный, совместный, лишительный и звательный падежи.

Следует также отметить, что о древности неопределенного падежа свидетельствует его многофункциональность. Он совмещает в себе не только функции субъекта, объекта и атрибутивности, но и может употребляться для выражения обстоятельственных значений, так как он может указывать на:

а) направление движения, замещая в данном случае дательно-направительный падеж, например: *tuniŋel' ?i:e detello:k* – потом **на лабаз** залезла, *kijijŋ ka?t s'ul'i de'somdak* – хорошую одежду **на нарту** положил, *ko:mam akta: ke:rə ba:tat ?ək'ti* – грех хорошему человеку **в лоб** стрелять, *baŋ bet karej o:lən* – **на землю** сваливают;

б) протяжение пространства, на движение по нему или на совершение действия на нем, отвечая на вопрос *где?* (главной эта функция является для местноличного падежа), например: *disl koŋ kAjbaj tajge* – Дискл днем **на месте охоты** ходит, *ad tabaŋ di:tavak* – я **в лесу** её оставил;

в) образ действия, конкурируя с орудно-совместным падежом, например: *bi'le kon'guri?* – *as'Vijbul* – как пришел? – на лыжах (*as'Vijbul* лыжи), *a dalam bu:leŋ də:hta bu'nden* – я с жилистыми **ногами** быстро шла, *tunil' s'e:l'ol' xos'o oxonden* – потом он вверх ушел **в личине оленя**;

г) временные отношения, передавая при этом значение временной длительности (на вопросы *как долго? с какого и до какого времени?*), отрезок времени, в течение которого происходит действие (на вопрос *когда?*), например: *di:nu xut ?a:l ?i?* – он шаманил **полдня** (*?a:l* – половина, *?i* – день), *hi:ŋ oxonden konijbaŋ* – мужчина шел **дотемна** (*konijbaŋ* досл. «вечерняя земля»), *si:l bA?n beriu:nbes* – **летом** уток приносила, *bat koŋ bat sa:noonvet* старик **днем** белковал.

Несмотря на то особое положение родительного падежа наряду с основным (неопределенным) падежом в системе кетского склонения, которое признается некоторыми исследователями (в том числе и автором данной статьи), его статус все же вызывает сомнение. Известна, например, работа Е.А. Крейновича, в которой он отрицает наличие родительного падежа в кетском и югском языках. В частности он пишет: «Перед притяжательными формами имен существительных (*qus'* «чум», *daqus'* «его чум», *dqus'* «её чум») в роли определения могут стоять именные определения, которые сливаются с определяемым словом в одно определительное словосочетание: *opdaqus'* «чум отца», *amdqus'* «чум матери», *obAnnäqus'* «чум родителей». Так как в потоке речи притяжательные префиксы, не несущие на себе ударения, могут отходить к определению, в кетском языке ошибочно выделялся родительный падеж существительных, которого в действительности в нем нет» [8]. Вступая в полемику с Е.А. Крейновичем, Г.К. Вернер отмечает, что вопрос о родительном падеже тесно связан с вопросом о членении слова. Так, например, югск. *ob=da=fyp* «отец=его=сын», по мнению Е.А. Крейновича, представляет собой *ob dafyp*, но, дело в том, что безударный показатель *=da=* может присоединиться и к определению: *obda fyp*. Полученные таким образом словосочетания представляют собой, как утверждает Г.К. Вернер, два разных грамматических явления: *obda fyp* – форма родительного падежа в составе атрибутивной синтагмы, в то время как *dafyp* – это притяжательная форма имени «его сын». В предложении *kAtna ba:m də:ne* «детей бабушка приехала» *kAtna ba:m* – это атрибутивная синтагма, в которой выступает форма родительного падежа, а в предложении *kA?t en naba:m di:xonesu:rgen* «дети теперь свою бабушку потеряли» *naba:m* – притяжательная форма имени *ba:m* в роли прямого объекта. Доводы Г.К. Вернера нам кажутся достаточно убедительными. Особенно показательны формы имени, которые в составе атрибутивных форм оформляются, кроме притяжательного префикса, показателем родительного

падежа: *dobda ba:m dæne* – её отца бабушка умерла, где *dob* «её отец» + *da* – показатель родительного падежа мужского класса, *daobda ba:m dæne* – его отца бабушка умерла, где *daob* «его отец» + *da* – показатель родительного падежа мужского класса. Вот ещё несколько примеров: *tuda do?n obdas'* – это нож отца (отцу принадлежащий), *tuda do?n dobdas'* – это нож её отца (её отцу принадлежащий), *tuda do?n daobdas'* – это нож его отца (его отцу принадлежащий), *tuda do?n naobdas'* – это нож их отца (их отцу принадлежащий) [5].

То, что в енисейских языках сохранилось различие между формами притяжательного склонения и формами родительного падежа, подтверждают, как отмечает Г.К. Вернер, и факты коттского языка [5].

Подтверждением существования в енисейских языках родительного падежа можно считать наличие в кетском и югском форм, которые функционируют в качестве притяжательных местоимений *buda* – его, *budas'* –его, ему принадлежащий, например: *tuda do?n budas'* – это нож его; *budi*, –её, *budis'* – её, ей принадлежащий, например: *tuda do?n budis'* – это нож её, при этом *bu* – местоимение 3 л. ед.ч., *buda* – родительный падеж, мужской класс, *budi*– родительный падеж, женский и вещный классы.

Дальнейшее развитие положения об отсутствии в кетском языке родительного падежа ставило бы под сомнение существование как всей группы падежей, основанных на родительном, так и всей группы падежей, основанных на основном падеже, а, значит и всей падежной системы в целом, что, на наш взгляд, не подтверждается фактами языка.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Белимов Е.И. К вопросу о порядке слов в кетском предложении. Языки и топонимия. – Томск, 1977. – С. 71-77.
2. Валл М.Н. Употребление падежей в кетском языке. АКД. 1970.
3. Валл М.Н., Канакин И.А. Морфологический статус падежных показателей в енисейских языках. – В сб.: Морфология имени в сибирских языках. 1981. – С. 36-44.
4. Валл М.Н. Канакин И.А. Категории имени в кетском языке. – Новосибирск: «Наука». 1985. – 56 с.
5. Вернер Г.К. Коттский язык. Ростов-на-Дону, 1990. – 410 с.
6. Дульзон А.П. Кетский язык. Томск: Издательство ТГУ. 1968. – 636 с.
7. Каргер Н.К. Кетский язык. – Языки и письменность народов Севера. Ч. III. – М.-Л., 1934.
8. Крейнович Е.А. О грамматическом выражении именных классов в глаголе кетского языка. – В кн.: Кетский сборник. Лингвистика.– М.: «Наука», 1968. – С. 139-195.
9. Поленова Г.Т. Выражение субъекта и объекта в структуре кетского глагола. – Перспективы развития языкового образования в неязыковом вузе. – Таганрог, 2010. – С. 38-45.
10. Топоров В.Н., Цивьян Т.В. Об изучении имени в кетском (Некоторые результаты перспективы). – В кн. Кетский сборник. Лингвистика.– М.: «Наука», 1968. – С. 229-246.
11. Топоров В.Н. Заметки по лингвистической географии Енисея. I. Из наблюдений над структурой падежной парадигмы // Лингвотипологические исследования. I. – М., 1973.
12. Castrén M.A. Versuch einer Jenissei-Ostjakischen und kottischen Sprachlehre nebst Wörtverzeichnis aus den genannten Sprachen. – Spb., 1858.
13. Werner, Heinrich. Das Klassensystem in den Jenissej-Sprachen. Harrassowitz Verlag. Wiesbaden in Kommission, 1994.

Людмила Васильевна Буренко

Технологический институт федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Южный федеральный университет» в г. Таганроге.

E-mail: lburenko@yandex.ru.

347928, г. Таганрог, пер. Некрасовский, 44.

Тел.: 88634371496.

Ludmilla Vasil'evna Burenko

Taganrog Institute of Technology – Federal State-Owned Autonomy Educational Establishment of Higher Vocational Education “Southern Federal University”.

E-mail: lburenko@yandex.ru.

44, Nekrasovskiy, Taganrog, 347928, Russia.

Phone: +78634371496.

УДК 800

Е.В. Краснощёков

ВЫРАЖЕНИЕ ПРИТЯЖАТЕЛЬНОСТИ В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ С ПОМОЩЬЮ ИМЁН ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ

Предлагаемая статья представляет собой исследование по вопросу образования и употребления притяжательных прилагательных в немецком языке. Цель работы – проследить образование прилагательных и их употребление в немецком языке. В статье рассматривается выражение категории притяжательности прилагательными. Это подтверждает предположение, что с помощью притяжательных прилагательных в контексте реализуются различные отношения владения и принадлежности.

Притяжательные прилагательные; происхождение; авторское владение; отношения подлинного владения; субъектные отношения; авторство; географические названия; принадлежность к месту.

E.V. Krasnoshchokov

THE EXPRESSION OF POSSESSION IN GERMAN LANGUAGE BY MEANS OF ADJECTIVES

The proposed article represents a research on formation and usage of possessive adjectives in German language. The purpose of the study is to trace the formation of adjectives and their usage in German language. The expression of possessive category is examined in this article. It proves the conjecture, that various relations of possession and belonging in context are implemented by means of possessive adjectives.

Possessive adjectives; origin; author's possession; true possession; subjective relations; authorship; place names; place possession.

В свете теории притяжательности в языках различных систем представляется необходимым рассмотреть также притяжательные прилагательные. Так как притяжательность во многих языках выражается, в основном, с помощью притяжательных местоимений, родительного падежа существительных, а также глаголами и с помощью различных конструкций, то небезинтересно рассмотреть образование и употребление притяжательных прилагательных в одном из европейских языков, например, в немецком.

О притяжательных прилагательных в немецком языке писали русские учёные-языковеды, но они часто ограничивались указанием на то, что речь идёт об именах прилагательных, образованных от имён собственных с помощью суффикса *-isch*. [1]. Например: *...und die Wagen fahren vor, erst Katzlersche Kaleschwagen, dann die Gundermansche Chaise* (Th. Mann :188).

Сведения об этом встречаются в трудах зарубежных лингвистов [5, 4]. Например, Г. Пауль отмечает, что суффикс прилагательного *-isch* встречается уже в *ahd.* (древневерхнемецкий), а ещё раньше этот же суффикс употреблялся и в готском; у М.М. Гухман находим суффикс *-isk*, который также обозначал принадлежность, происхождение, ср.: *mannisks* „человеческий“, *manna* „человек“, *barnisks*